

Партийный билет

**Борис Леонтьевич
Горбатов**

SHOUT
SHARE **IT**

- Горбатов Борис Леонтьевич

Горбатов Борис Леонтьевич

Партийный билет

Борис Леонтьевич ГОРБАТОВ

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Рассказ

1

Всяко бывает в бою. Бывает и так: оглянешься направо - сосед справа немец; оглянешься налево - сосед слева немец; в тылу - враг и с фронта враг. Со всех четырех сторон зажал тебя противник, перехватил дороги, окружил. Тебе остается, прижавшись к последней пушке, драться до последнего вздоха.

Тогда-то и возникает перед каждым воином великий вопрос о жизни и смерти.

О цене жизни.

О расплате за смерть.

Любой ценой готов заплатить трус за свою никчемную жизнь. Ценою позора, предательства, рабства готов он купить себе право дышать и ползать по земле. И вот он поднимает перед врагом дрожащие руки и сдается. Так он покупает себе клейменую жизнь, жизнь с вечным клеймом предателя и труса.

Лучше смерть, чем рабство, говорит себе у последней пушки настоящий воин. Лучше умереть с пистолетом в руке, чем жить с руками за спиною. Ему тоже дорога жизнь. Необыкновенно дорога. Тем дороже должен заплатить за нее враг. Горы вражьих трупов - вот расплата за смерть одного нашего бойца. Так продает свою жизнь воин и приобретает бессмертие.

И еще одно решение должен принять боец-большевик у последней пушки, в отчаянном положении: решение о партийном билете. Труп большевика может достаться врагу. Партийный билет достаться не должен.

И коммунист уничтожает партбилет вместе со своей жизнью. Они умирают вместе, большевик и его партбилет. Они не сдаются.

Они умирают вместе - вот он, закон жизни и смерти большевика. Предательство - умереть, оставив партбилет врагу. Вдвойне, втройне предательство - уничтожить партбилет для того, чтобы сохранить себе жизнь.

2

Огненное кольцо окружило Никиту Шандора. Огненное в самом буквальном смысле этого слова. Горел сарай, в котором находился Шандор, горела хата рядом, горела сухая трава подле

хаты. Казалось, весь бугор - последнее прибежище окруженной врагом горсточки бойцов - горит. Над ними металось косматое пламя, дым и смрад.

Как пробился политрук Никита Шандор сквозь этот ад, было бы долго рассказывать. Он очнулся подле реки. В его нагане остался последний патрон. Река была тихая и холодная.

В селе за рекой исчез политрук Никита Шандор: появился курносый деревенский паренек в рваной стеганке и стоптанных туфлях. Если его спрашивали, кто он, он отвечал:

- Я тутошний.

Только три вещи было у него от политрука Шандора: партбилет, наган с последним патроном и часы. Хорошие ручные часы. С ними Никите было почему-то жалко расставаться.

Когда немецкий танк нагнал Шандора на дороге, часы, неосторожно блеснувшие из рукава, выдали его. Немецкий офицер сразу же вцепился в них мертвой хваткой. Содрал. Стал ощупывать одежду.

- О! Партизан! - побелел он, нащупав под стеганкой наган. - Партизан! - закричал он со злобой и ужасом и швырнул Шандора на танк, на площадку подле башни.

Танк тронулся. Шандор не сомневался теперь: "Вот это моя последняя дорога".

Из люка на него зло смотрели глаза фашиста. Черный глазок пистолета караулил его каждое движение.

"Это моя последняя дорога. Задержан с оружием. Найдут партбилет... Какое высокое небо над головой! Лучше умереть от пули, борясь за жизнь, чем просто так, глупо, у стенки. Какой крутой обрыв впереди! Там речка, кустарник, камыши... Это моя последняя дорога..."

Танк вдруг сделал крутой поворот. Офицер шатнулся, черный глазок пистолета на секунду упал куда-то вниз. В эту единственную секунду и прыгнул с танка Никита Шандор. Свалился под откос. Покатился к реке. Пополз, обдирая в кровь руки о колкий кустарник. Над ним засвистели пули. Он их не слышал. Жить!

В селе за рекой вновь произошло превращение Никиты Шандора: он сбросил кепку, добыл рваную шапку; какой-то старик отдал ему свою справку, что, мол, колхозник такой-то был командирован на окопные работы. Теперь, если Шандора спрашивали, откуда он, он отвечал:

- Иду с окопов.

Ни часов, ни нагана теперь не было у него. Наган жаль. Но трудно пройти с наганом сквозь вражий тыл. А с партбилетом? Что, если немцы схватят, обыщут, найдут партбилет? "Значит,

умру, как и жил, коммунистом". Но пока он жив, он партбилет не бросит. Здесь, на земле, захваченной немцами, он оставался коммунистом. Здесь, в тылу врага, он оставался большевиком. Вот его партбилет. Он нес его как знамя.

Так он шел по этой земле день, второй, десятый. Осторожно входил в село. Видел фашистские зверства и бессильно сжимал кулаки. Он был безоружен, он ничем не мог помочь старику, которого гитлеровцы вели вешать, женщине, у которой отбирали корову. Но и безучастным, трусливо равнодушным, посторонним он оставаться не мог. Потому что он был коммунистом.

По ночам он толковал с колхозниками о том, как надо ковать победу. На рассвете, уходя из села, он говорил:

- Мы еще вернемся, товарищи.

Он нашел в степи кипу советских листовок, сброшенных нашим самолетом. Он не прошел мимо. Он припрятал листовки под стеганку, туда, где раньше был наган. В железнодорожной будочке он прочел листовку старику стрелочнику, растолковал и сказал:

- Раздай, дед, на линии.

И научил, как и кому раздать. Потому что он оставался политруком и коммунистом.

Однажды он нашел на дороге брошенный кем-то партийный билет. Он поднял из грязи эту дорогую красненькую книжечку и прочел фамилию ее владельца: Сазонов Андрей Иванович.

- Подлец! - прошептал он, разрывая билет. - Сазонов Андрей Иванович. Запомним.

3

Никиту Шандора окружило огненное кольцо, и он прошел сквозь него, сквозь огонь и косматое пламя, сохранив и жизнь и партийный билет.

Ивана Винокурова окружала вода.

На его глазах рухнул взорванный мост, он не добежал пятнадцати метров. Винокуров остался на острове. Давя все на своем пути, шли на него немецкие танки. Он метнул в них последнюю гранату и бросился через сады, канавы, изгороди. Куда - он не знал сам.

Так он добежал до обрыва. Дальше некуда. Перед ним шумела вспучившаяся река. Сзади грохотали вражьи танки. Короткой, очень короткой была эта секунда под обрывом, но и ее было достаточно, чтобы вспомнить о партбилете. Все сбросил с себя Винокуров - одежду, часы, деньги выкинул, а партбилет сохранил. Взял в зубы. Стиснул крепко. И бросился вниз с обрыва.

Страшна была сейчас река. Необыкновенно широка. Дьявольски холодна. Предательски пустынна. Только макушки

деревьев, точно утопленники, синели на ее поверхности. Да пузырьки вскипали на воде - это с острова по реке били немецкие танки.

Винокуров поплыл к группе затопленных деревьев. Передохнуть. Дождаться сумерек.

"Это мой последний шанс жить", - подумал он.

Вдруг кто-то тихо окликнул:

- Винокуров!

Он вздрогнул. Черт! Тут можно поверить и в русалок. Он оглянулся. На воде под деревом виднелась голова. Только голова, но он узнал ее.

- А, младший лейтенант, - улыбнулся он товарищу одними глазами.

Теперь их было двое. Они "висели в воде" охватив руками и ногами шершавые стволы деревьев и погрузившись до подбородка в ледяную воду. Ждали сумерек. С острова доносились то очень близкие, то далекие голоса немцев.

Так прошел час. Все это время Винокуров держал партбилет в зубах. Когда дышать становилось трудно, он вытаскивал из воды руки, брал партбилет и долго, шумно, облегченно дышал всем ртом. Все тело его нестерпимо стыло, по ногам острой волной пробегала судорога, зубы начинали все сильнее и сильнее стучать. Тогда он еще крепче впивался ими в партийный билет и говорил себе: "Ничего. Надо! Надо жить!"

- Не могу! - вдруг прохрипел младший лейтенант. - Судорога.

Он оторвался от дерева и поплыл к острову. Винокуров за ним. Смеркалось. Немцев не было слышно.

Они вышли на берег и стали бегать, чтобы согреться.

- Согреемся и поплывем, - говорили они друг другу. - Поплывем к своим.

В эту ночь на пустынном берегу острова они нашли еще двух наших людей: бойца, дрожавшего от холода, и старика - местного жителя. Старик пообещал к утру пригнать лодку и ушел в село.

В эту ночь Винокуров и его товарищи спали плохо. Лежали в выкопанной ими яме, дрожали от холода и гадали: не обманет ли старик, пригонит лодку?

- А если пригонит, куда плыть?

- Как куда? К своим.

- А где они, свои? Может, и тот берег уже немецкий.

- Надо узнать. Плыть надо.

- Доплывем ли?

- Все равно. Пусть хоть мертвых, но к своим прибьет.

К утру старик пригнал лодку.

- Ветхая, стариковская, самодельная, - сказал он, извиняясь. -

Но плыть, между прочим, можно.

Про село рассказал, что там хозяйничают немцы. Про тот берег ответил:

- Об этом я неизвестен, - и руками развел.

Младший лейтенант вызвался пойти с дедом в село на разведку. Он был здешний, ему пройти легче. Они ушли.

Оставшиеся нервно ждали его весь день.

- Неужто попался?

- Да нет, он здешний, вывернется.

- А если обыщут, найдут партбилет?

- А партбилет бросить надо было! - сердито сказал боец. - Я свой зарыл. Здесь, на острове, зарыл. Первым делом.

Он хотел было похвастаться тем, как он это ловко и хитро сделал, но, взглянув на Винокурова, сразу умолк.

Винокуров тоскливо смотрел на реку. Он ничего не говорил, ничего не ответил. Но у него было такое чувство, словно он потерял товарища, словно он снова остался один-одиноким на острове. Теперь он не мог бы довериться этому человеку, с которым еще вчера ночью, обнявшись, лежал в яме. Такой продаст. Зачем он зарыл партбилет? На всякий случай? Значит, где-то в тайниках души он уже решил: "Если что... если попадусь, сдамся... Отрекись от большевиков..." Сам того не сознавая, сам себе в том не признаваясь, он уже решил так. Оставил лазейку трусости, дал трещину. Нет, Винокуров не мог теперь верить этому... этому человеку без партбилета.

К вечеру вернулся дед и сказал:

- Фашисты вашего товарища схватили. Рыщут, - прибавил он. Неожиданно смахнул слезу. - По всему острову рыщут. Чисто волки. - Он помолчал, пожевал губами и сказал: - Ну, счастливого вам пути, ребята.

Той же ночью Винокуров и боец поплыли на дедовской самоделке. Они плыли осторожно и наугад, по старым рукавам реки и плавням.

Всю эту дорогу они прошли молча.

4

И Никита Шандор и Иван Винокуров добрались до своих. Они сохранили жизнь и не потеряли чести. В самые трудные дни их жизни они остались большевиками. Сквозь огонь, воду и вражье кольцо они пронесли свои партийные билеты, не запятнав их изменой.

Вот они передо мной, эти партийные билеты. Размяк, покособился от воды партбилет Ивана Винокурова. Почернел, загрязнился партбилет Никиты Шандора - он пронес его в туфле.

Когда-нибудь в музее Великой Отечественной войны эти

партийные билеты расскажут нашим потомкам о том, что никогда на земле не было более стойких и более верных людей, чем воины-большевики.

Ноябрь 1941 г.